

Оливия Штерн

Архимаг ее сердца

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Ш90

Штерн О.

Архимаг ее сердца / Штерн О. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 254 с.

ISBN 978-5-532-95744-2

Ее сердце разбито. Ее убежище — дворец, выстроенный на красных скалах. Все, что ей осталось — воспоминания о счастье, которого никогда больше не будет. Но обстоятельства меняются, и Алайне необходимо вернуться в Эрифрею. Туда, где король, где придворные плетут интриги. Туда, где ее Магистр, который, по слухам, завел любовницу... Первая книга — «Страж ее сердца», вторая книга — «Магистр ее сердца». Писалось для тех, кому ну очень понравилась первая книга и хотелось еще про тех же героев.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Одинокая принцесса	10
Глава 2. Эрифрейский потрошитель	30
Глава 3. Королевская невеста	47
Глава 4. Тени сгущаются	69
Глава 5. Роза Эрифреи	98
Глава 6. Дела Магистра	131
Глава 7.Алька и король	158
Глава 8. Когда не остается времени	183
Глава 9. Король изволит жениться	196
Глава 10. Ниат Фазр	218
Глава 11. Артефакты Энолы Дампи	232
Эпилог 1	243
Эпилог 2	248
Эпилог 3	253

Пролог

Над головой плыл и медленно вращался потолок. Своды были выложены из старого кирпича, бордового, местами облупленного. Откуда-то, сбоку и вниз, падал блеклый утренний свет.

Спина... болит. И на чем-то твердом. Под пальцами мягкое, наощупь как тряпка. Во рту... привкус желчи. И во рту все пересохло так, что язык словно терка. Голова кружится, и от этого потолок вверху то медленно движется, то берется крупной волной, то начинает кружиться.

Мариус обреченно закрыл глаза. От вида движущегося потолка тошнило. В висках отдавало звенящей болью, с каждый ударом сердца.

Он представил себе Альку, как будто она смотрит на него с мягкой укоризной. Представил, как ее прохладная ладонка опускается на лоб, как тонкие пальцы зарываются в волосы. Потом крепко зажмурился. Нет же, нет! Этого уже не будет. Он оставил ее во дворце Сантора... Оставил с разбитым сердцем, да и свое растоптал там же. Уходя, оставлял за собой кровавые отпечатки подошв. Теперь это с ним навсегда, потому что Алька не простит, не вернется, даже если он будет умолять... Пусть. Зато теперь она в безопасности. И если тварь вернется – а в том, что это случится, Мариус почти не сомневался – он встретится с ней один на один. И это будет последнее сражение двух магистров.

Вокруг было тихо, только где-то капала вода. Перед глазами назойливо крутились обрывки вчерашней попойки, сперва – в хорошем ресторане и в гордом одиночестве, потом – в дешевом кабаке где-то на окраине Эрифреи, еще чуть позже... Дальше память проваливалась в такую глубокую и темную яму, полную мутной воды, что Мариус даже почувствовал слабый интерес, а что он такого натворил, что оказался в тюрьме? И, самое главное, кто его сюда водворил? Ну не Фаэр же, в самом деле?

Вялое течение мыслей прервал скрежет отпираемого замка, но Мариус даже не повернул головы. Пусть. Ему все равно. Если сдох-

нет, то и магистру здесь нечего делать будет. Всем лучше, и Алечке в том числе.

– Он! Он это! – ватную тишину разбил звонкий женский голосок, рикошетом отозвался в висках противной болью.

– Ну так забирайте, – последовало равнодушное, – королевская тюрьма не для того, чтобы всякую пьянь сюда тащить. Уж не знаю, зачем его ниат Фаэр сюда приказал приволочь.

– Так ведь... благородные они, – прозвенел голосок.

Потом Мариус услышал тихое позвякивание монет, как будто невидимая девица отсчитывала монеты и предавала их тюремщику.

– Благородные-то благородные, а надрались так, как не всякий забулдыга, – пробурчал тюремщик, – забирайте.

– А вы мне не поможете? Я ж его не дотащу!

Снова пауза, снова едва слышное позвякивание, но уже сопровождающееся сопением мужчины, который, вероятно, столько денег за раз не видел. Мариусу стало смешно, он даже фыркнул. Выходит, его сюда приказал Фаэр бросить? Ну что ж, хотя бы не в общую камеру, и на том спасибо.

В этот момент тюремщик наконец перешел к выполнению просьбы невидимой пока девицы. Мариуса грубо подхватили под мышки, поставили на ноги, а затем поволокли прочь. У порога стояла миловидная блондинка в дорогом, но скромном платье. Стояла, сложив руки на груди, качая головой, и с укоризной смотрела на Мариуса.

Энола Дампи.

Интересно, кем она представилась надзирателю? Сестрой? Женой?

Стены плыли перед глазами, грозя раздавить, но Мариус мужественно, с поддержкой тюремщика, дошагал до выхода, а там его уже поджидал закрытый экипаж. Еще усилие – и он шлепнулся на кожаное сиденье, следом проворно забралась Дампи, постучала по стенке. Экипаж тронулся и покатил по булыжной мостовой.

Несколько минут в экипаже царило молчание. Мариус щурился на Энолу и боролся с подкатывающей тошнотой. Энола хмуро смот-

рела на него, теребя пальцами артефакт личины. Потом поинтересовалась:

– И что это вы творите, магистр?

Он пожал плечами и ничего не ответил. Да и что тут скажешь? Сдохнуть хотелось. Но убить себя почему-то не решился. Все-таки тварь на свободе, следит из астрала, выжидает. А так-то да, согласен. Слабак. Мог бы умереть быстро, если б захотел. Но все еще держала невесомая, тоненькая, как паутинка, надежда – что они все-таки будут вместе...

– Слушайте, – хрипло сказала Дампи, – вы же мне обещали помочь. Ну, я понимаю, вы можете себе позволить упиваться вашим горем. Ну а мне-то что делать? Одна я не справлюсь. Одна я не смогу доказать, что это не я подбросила артефакт его величеству.

– Ну так... уезжайте из Эрифреи, – кое-как выдавил Мариус, – мир велик. Найдите себе место, где вас никто не будет искать, и живите себе в удовольствие...

– Вы дурак? – Энола посмотрела на него так, что Мариусу вдруг стало стыдно.

Может, и правда дурак.

– Почему я должна бросить все то, что мне дорого? – она стиснула свои светлые замшевые перчатки, – из-за какого-то подонка, который меня подставил? Впрочем, – еще один сердитый взгляд, – что это я разоткровенничалась. Каждый выбирает для себя... Если вам угодно себя травить, продолжайте в том же духе. Ваша невеста бы не одобрила...

– У меня больше нет невесты, – выдохнул Мариус и пожалел о том, что пришел в себя.

В той темной, илистой яме, куда он умудрился загнать себя изрядной порцией алкоголя, по крайней мере не было ни боли, ни воспоминаний.

– Хорошо, нет невесты, – согласилась Дампи, – но как же ваше обещание? Помочь мне? Совсем ничего не стоит?

В ее голосе, таком непривычно-звонком, печально звякнуло отчаяние. И Мариус вдруг подумал, что Эноле тоже очень больно. Она

ведь... наверное, она любила короля. А он чьими-то стараниями объявил ее преступницей. Не поверил. Не захотел поговорить.

– Мне плохо, – вдруг пожаловался он, – простите.

– Да уж, плохо, – она хмыкнула. Образ блондиночки ей не шел. Почему-то хотелось видеть ту Энолу Дампи, которой она была на самом деле. – Вы, небось, даже не помните, как попали в тюрьму?

Он мотнул головой, и это вялое движение отозвалось слепяще-белой болью в висках. Перед глазами снова все поплыло.

– Магам нельзя много пить, – назидательно проговорила Энола, – не столько, сколько вы в себя влили. Поэтому вам так плохо... Но, помилуйте, какая нелегкая вас понесла в тот дешевый бордель?

Мариус поморщился. В самом деле, что он там делал?

– Хотите послушать о своих подвигах? – вкрадчиво поинтересовалась Дампи.

Наверное, он хотел.

Воспоминаний о борделе и проститутках не осталось.

– Вас люди Фаэра нашли в местечке под названием «Конфетка», – начала Энола размеренно, – к тому моменту, как за вами пришли, вы успели полностью выжечь комнату, в которой до этого уединились с девушкой... Это, надо полагать, было пламя страсти?

Мариус застонал.

Он начинал припоминать, что ж там произошло. Он... кажется, брел куда-то. Ему хотелось просто лечь и немного поспать, а еще лучше – никогда и не просыпаться. Но на земле не хотелось. Хотелось в мягкой кровати. И как он вышел на это двухэтажное здание, омерзительно-розового цвета? Над крыльцом заманчиво светились фонарики, тоже розовые. И он туда пошел. Уже на входе столкнулся с вульгарно покрашенной полуголой девицей. Потом навстречу выплыла необъятных размеров фье, и он попросту утонул в ее пышных объятиях. А она все нашептывала, что знает, как утешить расстроенного ниата, и Жизель знает, как это делается. Мариус просто хотел отдохнуть. Рассудок медленно уплывал прочь, махнув на прощание ядовито-розовым газовым шарфиком. Потом он куда-то шел, куда-то поднимался по ступеням, пока не оказался в дешево обставленной комнате. Посреди стояла кровать с продавлен-

ным матрасом и несвежим бельем. Мариус, не раздеваясь, бухнулся на спину, закрыл глаза, пытаясь унять красноватую муть в голове и перед глазами. Но поспать ему не давали. Кто-то назойливо елозил руками по груди, словно расстегивая пуговицы, потом эти же липкие руки добрались до его кожи. Кто-то испуганно вскрикнул, и Мариус понял, что его шрамы произвели должное впечатление. А голова была... просто чугунная.

– Пшла вон, – процедил он сбивчиво.

От одной только мысли о том, что его касается кто-то другой, не Алька, выворачивало наизнанку.

– Да ладно тебе, – услышал он.

И наглые пальцы взяли за штаны.

Это было большой ошибкой, трогать его.

Все, что было накоплено в резерве, попросту плеснулось наружу, раскрываясь пламенеющими лепестками. Завоняло дымом, гарью, затрещали горящие занавески, завопила не своим голосом девка... И примерно на этом Мариус провалился в блаженную темноту.

– Я... обгорел? – только и спросил он у Энолы. И пожаловался, – спина болит.

– Спина болит оттого, что вас дубинками отходили, – она вздохнула и отвернулась к окну, – к тому моменту мадам вызвала гвардейцев. Пожара, кстати, не случилось. Ваш огонь быстро угас сам. Гвардейцы вас выволокли в бессознательном состоянии, попинали от души, а там и маги Фаэра подоспели. Они ж не знали, что вы – Магистр Святого Надзора. Ну, а когда подоспел сам Фаэр, поглядеть на дикого мага, устроившего такой фейверк... Он-то вас и признал. Стыдно, ниат Эльдор. Стыдно так себя вести.

Мариус помолчал. Не то, чтоб он испытывал муки совести, но... как-то непривычно, вот так. И такого с ним еще никогда не случилось. До того, как он вырвал свое сердце и раздавил его в кровавые ошметки.

– А с той... девкой что? – вдруг спросил он, – она не пострадала? Энола пожала плечами.

– Обожглась. Я уже компенсировала... И за выжженную комнату тоже.

– А вы как меня нашли?

– Я вас искала, – женщина усмехнулась, – я представилась вашей содержанкой. Я была в городском управлении порядка. Как только услышала про сожженную комнату, так сразу о вас подумала.

Снова воцарилось молчание. Мариус старался не шевелиться, потому что каждое движение отзывалось бухающими в голове молотками. Свет резал глаза, и Мариус их попросту закрыл. Нужно было что-то делать, о чем-то думать. Он был несвободен, он был Магистром Надзора. Проблемы у его величества, заговор, судя по всему. Опять же, Сантор.

Он вздохнул. Да, надо было брать себя в руки. Может быть... если все получится... может быть, он еще сможет быть вместе со своей птичкой. Конечно же, она его возненавидела, но... а вдруг?..

В общем, погулял – и хватит.

– Энола, – сказал он, – я сдержу обещание. Мы найдем, кто вас подставил. А вы... вы поможете мне сразиться с тварью астрала.

Она быстро глянула на него, и на миг сквозь наивные голубые глаза проглянула настоящая Энола Дампи.

– Мне нужна лаборатория, – пробурчала.

– Будет вам лаборатория, – Мариус кивнул.

Глава 1. Одинокая принцесса

«Меня нет без тебя», вот что она хотела крикнуть ему в спину.

Но тогда... слишком больно. Вдохнуть невозможно, не то, что говорить.

И потом, до самого вечера, все ждала – а вдруг вернется? Вдруг... все же любит? Ведь, любя, не уходят.

Но Мариус больше не пришел. И тогда стало понятно, что теперь все будет по-иному, пусто, блекло, безвкусно. Если будет...

Алька свернулась в комок, закуталась по самый нос в одеяло и отвернулась к стене. По штукатурке змеились тонкие, едва заметные трещинки, и она бездумно их рассматривала, сглатывая слезы. Неторопливо катилось время. А в душе – темная, холодная пустота. Горечь. И ничего не хочется ни видеть, ни слышать, ни вообще чувствовать. Трещинки в светлой штукатурке – вот все, что осталось.

Потом пришла служанка. Алька даже не оборачивалась, то, что это не мужчина, поняла по легким, семенящим шажкам. Кажется, шелестела ткань. Наверное, она принесла одежду и теперь раскладывала ее на стуле.

– Ваше высочество? – осторожное.

Алька закрыла глаза. Зачем они ее трогают? Почему нельзя оставить в покое?

– Ваше высочество, – в голосе скользнуло напряжение, – вам плохо?

О, да.

Ей плохо.

Пожалуй, так плохо еще не было никогда, даже тогда, когда противный сын полицмейстера лез под юбку, а Мариус...

Снова он. И никуда не деться. Она просто не может не думать о нем, не вспоминать. А выходит, что очень просто потерять человека, который для тебя перевернул мир. Достаточно просто ему лгать и плести за его спиной интриги...